

Илья Чесноков

Родился в городе Чимкенте в Казахстане. В 1990-е годы публиковался в чимкентской прессе: «Своя газета», «Элитар», «Спутник молодежи». В 2000 году переехал с семьей в Россию, в Белгород. Публиковался в газетах «Наш Белгород», «Белгородские известия», «Белгородская правда».

В 2020 году стал призерам конкурса «Крылья Победы» как автор стихотворений на тему Великой Победы. Имеет публикации в журналах «Ротонда», «Молоко», альманахах «Земляки», «Парус». Занимается в литературной студии «Младость» под руководством поэтессы Людмилы Брагиной.

Работает преподавателем общественных наук в Белгородском педагогическом колледже.

Десять эпизодов службы в стройбате

повесть

Эпизод первый. В пути

Предраассветное майское утро восемьдесят пятого года. Нас, призывников, оставили в актовом зале городского военкомата в ночь с третьего на четвертое мая. Длинноволосых здесь же остригли ручной машинкой налысо, а тех, кто успел сам подстричься, фельдшер, поправляя спадающие очки, методично проверил на наличие вшей. В пять утра, построившись в колонну по двое, мы двинулись в сторону железнодорожного вокзала Чимкента. За нами следом шли родственники, окутанные, как туманом, тихими разговорами и шорохом шагов. У всех такой вид, словно мы уходили на войну. Провожающие на ходу крестили нас в спины. Меня провожала мама. Мы шли молча, изредка оглядываясь назад. У вагона нас остановила команда: «Стой! Становись в одну шеренгу! Сумки и чемоданы положить перед собой! Из карманов все достаем!» На сонном перроне с потрескавшимся бетонном команды звучали особенно резко и эхом ударялись в стены вокзала. Откуда-то незаметно появилась стайка бродячих собак. Опустив головы, они пробежали вдоль поезда в сторону вокзальных буфетов, лишь единожды оглянувшись в сторону людей. Мы же, остановившись, проводили их молчаливым взглядом, уловив печаль в собачьих глазах. Через мгновение несколько десятков полусонных парней пестрой лентой покачивались вдоль последнего плацкартного вагона.

Нас сопровождали два сержанта, похожих на популярных в свое время актеров эстрады: Тарапуньку и Штепселя. Эти двое с припухшими лицами и сдвинутыми набекрень фуражками начали осмотр багажа. У первого же призывника Тарапунька вытащил из чемодана бутылку вина.

– Алкогольные напитки запрещены! – крикнул он осипшим голосом вдоль строя и тут же размахнулся, делая вид, будто хочет разбить бутылку о колесо вагона.

Но тут откуда-то из-за спин выплыл, слегка прихрамывая, старичок низенького роста в замызганных штанах, в лопнувшей на спине куртке и с помятым, как вафельное полотенце, лицом. На голове его зацепившимся облаком торчала седая копна волос. Он что-то пытался объяснить сержанту, сгибаясь в коленях и протягивая дрожащие руки к бутылке, но тот, плюнув под ноги старику, передал трофей товарищу. Старик, бурча и мотая головой, заковылял в сторону скрывшейся стаи собак.

Ко мне, икая и позевывая, подошел Штепсель и пнул носком туфли чемодан:

– Что там?

– Личные вещи.

– Алкоголь, наркотики, опасные вещества есть?

– Нет, – ответил я и раскрыл чемодан.

Сержант прищурился на меня снизу-вверх:

– Знаем мы вас, чимкентцы! Сплошь одни наркоманы и алкаши! Развели здесь Техас!

Присев на корточки, он суетливо пухлыми пальцами перетормошил аккуратно сложенные стопки моих вещей, ухмыльнулся и злобно процедил:

– Забирай.

И двинулся дальше. Как ни старались сержанты, но всего, что было припрятано, они не нашли. Призывники хорошо помнили советы старших братьев, вернувшихся из армейки.

Настал момент прощания с родными. На перроне к родственникам призывников подошли пассажиры соседних вагонов и празднующие горожане. Провожаящие вытянули шеи, высматривая своих. Они начали махать руками и выкрикивать имена ребят. Я разглядел в толпе маму:

– Мама, все будет хорошо! Я скоро вернусь!

Она одной рукой прижала платочек к глазам, а другой замахала. Мы загрузились в вагон. Прижавшись к вагонному окну, я видел, как мама стоит и продолжает махать платочком. Мест в вагоне катастрофически не хватало. Призывников было намного больше, чем свободных мест. Третьи вещевые полки оказались свободными. На одну из них я и залез.

Всего в пути мы были четверо суток. На второй день было выпито все найденное при осмотре. Наши сержанты, «покупатели», как их называли, приняв на грудь, мирно сопели у проводников, уткнувшись головами в мешки с постельным бельем. А мы были предоставлены самим себе. На третьи сутки были съедены запасы из дома и сухпайки, выданные в дорогу.

А когда поезд делал короткие остановки на полустанках, к нашему вагону тут же гурьбой подбегала босоногая детвора. Дети что-то орали, перебивая друг друга и толкаясь. Окна в вагоне были слегка открыты, чтобы мы могли дышать. Уже в начале мая в казахстанских степях стояла невыносимая жара. Просовывая в окна руки, мы начали швырять детям деньги и кричать:

– Воды принесите!

– Сигарет принесите!

– Да-да, сейчас! – кричали дети то на русском, то на казахском, быстро хватали монеты с земли вместе с пылью и, мелькая пятками, исчезали среди заборов и барачных навесов.

А когда поезд трогался с места, оставшиеся без заработка подростки начинали со злости швырять комья земли в уходящий поезд. Грозя кулаками и делая страшные гримасы, мы понимали, что хозяевами ситуации остаются здесь они. На следующем полустанке все повторялось вновь.

Заехали в Актюбинскую область. Станция Кандагач. Остановка. Здесь мы должны были переночевать и утром на другом поезде ехать дальше. Куда? Никто не знал, кроме сопровождающих, которые уже еле выговаривали свои имена. Мы знали только, что будем два года служить в строительных войсках, то есть в стройбате.

Эту станцию я запомнил и потому, что было безумно жарко, и потому, что спать в зале ожидания мы улеглись где попало. Каждый где нашел свободное местечко, там и улегся: на скамейках, на столах и даже на полу, подложив под себя сумки, чемоданы и все, что можно было найти в этом заброшенном помещении. Двери и окна были наглухо закрыты. В таком состоянии никакие насекомые нам уже были не страшны. Отара овец в сарае у самого бедного чабана ночью спала в более человеческих условиях, чем мы.

Наутро протрезвевшие сержанты буквально выковыривали нас по одному из помещения, где мы провели ночь. Издавая натужное пыхтение, на путях нас ожидал пассажирский поезд, идущий до Астрахани. Обходчики, постукивая молоточками, проверили рессоры и отправились в хвост состава. Мы заползли в вагон. Каждый занял свое место. Ехать осталось недолго.

К концу пути наша бравада типа «Да я вот могу ...», «А что мне будет!», «Эх, я бы тогда...», «Пусть только попробуют...» стала переходить в уныние и тревогу от непонятного будущего. В нашем купе было тихо. Я раскрыл на коленях свой чемодан и достал «Тройной» одеколон,

чтобы протереть лицо. А лицо у меня в мои девятнадцать все еще было усеяно угревой сыпью. Оторвав кусочек ваты, открутив крышечку пузырька, я тут же вместе с резким запахом почувствовал на себе десятки сверлящих взглядов, которые молниеносно перепрыгивали от моего лица к бутылочке. Вдруг с верхней полки неожиданно свисла лысая голова Лёшки Дегтярёва и, оскалив зубы, на все купе заорала:

– Спаситель ты наш, Илюха! А ты продуманный чувак! До последнего держался, молоток!

Несколько бритых голов ритмично закачались, соглашаясь с ним. Я не успел произнести и слова, как мой флакон был уже в центре купе. Парни так внимательно смотрели на бутылочку с жидкостью цвета блеклой травы, как только умеют смотреть ученые в микроскоп. Все хотели выпить, но как именно пить одеколон, никто не знал. Лёшка, мой в будущем хороший товарищ, тоже не знал, но показать себя хотел. Он вытащил откуда-то корку хлеба, положил ее сверху на кружку и сказал:

– Чего смотрите, салаги? Пропускаем этот почти что спирт через хлеб, разбавляем водой и пускаем этот напиток по кругу. Есть же трубка мира? А у нас будет кружка мира!

Через головы в наше купе стали заглядывать и соседи. Намечалось что-то интересное. Процесс фильтрации требовал терпения и твердой руки. Из всех ребят Лёха выбрал очкарика, прижатого у окна.

– Эй, профессор! Подойди сюда. Тебе как трезвеннику мы поручаем важное дело.

Лёшка все подробно объяснил Виталику, как, оказывается, звали очкарика, и процесс начался. Пройдя через тонкую корочку, одеколон предательски долго капал на дно. Интригующий цвет жидкости превратился в мутную жижу, а запах начал проникать везде и, как потом

выяснилось, надолго. Виталик, оглядев всех по кругу, выжал из хлеба последние капли, откусил размокший кусок, проглотил, скривив губы, поправил очки и отшатнулся на свое место. Я на правах хозяина одеколону налил в кружку воды.

Напиток медленно пошел по рукам. Еще никогда с кружкой так бережно не обращались, как сейчас. Каждый, взяв ее обеими руками, делал паузу, потом что-то шептал и делал глоток. Лица их тут же каменели. Очередь дошла и до меня. О своем лице я уже и забыл. На тот момент меня немного успокаивал тот факт, что одеколон был мой и я мог распорядиться им как угодно. Облизав губы, я выдохнул и сделал глоток. В голове тут же сверкнула мысль: «Зачем, идиот!» Раскрыв рот, я был готов выпить все Чёрное море или хотя бы его половину. Перед глазами промелькнуло мамино сердитое лицо.

Кружку осушили до дна и передали Лёшке, а пустой флакон мне «на память». Из соседнего купе принесли гитару, и все, обнявшись, начали горланить песни, толком не помня ни слов, ни мелодии. Профессор уснул, прижавшись лбом к пыльному стеклу. Через два часа мы уже были на месте. Сержанты встряхнулись и как ни в чем не бывало схватили наши документы и дуэтом гаркнули:

– Берем вещи и готовимся к высадке!

Эпизод второй. Прибытие

Сквозь засиженные мухами стекла вагона на нас смотрел двухэтажный блеклый вокзал, облепленный молодыми акациями. По углам крыши топорщились листы жести, дрожащие от ветра. Это была станция военного городка Капустин Яр, что в Астраханской области. Безоблачное утреннее небо озарилось лучами восходящего солнца.

Наши сопровождающие прыгнули с вагона, передали наши личные дела в руки офицера и тут же куда-то исчезли. Больше мы их не видели. Офицером, принявшим мятые скоросшиватели, оказался молодой мужчина высокого роста, с чубом, смоляной стружкой торчащим из-под фуражки, усами, по-гусарски закрученными кверху. На его плечах пылали красные погоны с новенькими капитанскими звездочками. Зажав под мышкой документы, он звонко скомандовал:

– Выходи строиться в колонну по двое!

Мы похватали свои чемоданы-узелки и начали спускаться на перрон.

Лёшка, идущий за мной, вытянул голову из-за моего плеча и крикнул:

– А руки за голову или за спину?

И тут же пригнулся. Меня же было видно хорошо со всех сторон. Капитан просверлил меня взглядом и гаркнул:

– Разговорчики!

А я как бы нечаянно наступил Лёшке каблуком на ногу.

Свежий воздух обнял нас, как старых знакомых. Солнце ласково грело наши стриженные макушки. Слева и справа от нас стояли шеренги военнослужащих внутренних войск. Я впервые так близко видел здоровых и откормленных парней с алыми погонами ВВ, аккуратно пришитыми к гимнастерке. И я тогда подумал: «Значит, и нас так же хорошо будут кормить».

Несколько сержантов держали на поводке огромных овчарок. Сомлевшие от жары собаки без особого желания держали стойку. Свесив набок языки, они прятались в тени своих хозяев. Учув от нас перегар, собаки отвернули морды, так ни разу и не рыкнув в нашу сторону. Нам стало даже обидно за эту собачью брезгливость.

Построив в колонны, нас повели в воинскую часть. Я, самый высокий по росту, шел впереди. Рядом со мной,

немного сутулясь, – мой земляк Бирюков Сергей. Сзади меня, озираясь по сторонам и улыбаясь, вышагивал Дегтярёв Алексей. Виталик ковылял где-то позади. Капитан и еще два лейтенанта шли впереди, а с обеих сторон сопровождали «красначи» с собаками. И со стороны было непонятно, кто кого из них ведет. Я тогда не мог понять, для чего было необходимо такое сопровождение. Позже стало ясно, что недалеко располагался ракетный полигон.

Нас завели в клуб, освещаемый двумя тусклыми боковыми лампочками, и рассадили на старые киношные кресла, сбитые рейками в ряды. Пыльные кресла хором по-старчески крякнули и прогнулись под тяжестью молодых тел. Провели перекличку. Сверили документы и прочитали несколько лекций, разъясняя нам, кто мы и где мы. Потом подробно узнали о том, кто и какую получил профессию.

Мы расписались в инструкциях. Вдруг на сцене раздвинулись блеклые занавески. Посередине сцены валялись горкой кирзовые сапоги. У сцены неожиданно появился низкорослый, плотного телосложения и с красным лицом прапорщик. Как оказалось, в дальнейшем именно он будет выписывать нам документы на дембель, но уже не в этом городе и не скоро. Заложив руки за спину, он стал прохаживаться вдоль сцены, принохиваясь и присматриваясь. В руках он держал резиновую дубинку. Вид у него был пугающий.

Лёха, сидящий слева, прошептал:

– Ну и рожа!

Виталик справа добавил:

– Буржуй!

Серёга сзади пробубнил:

– Дуболом.

А я предложил:

– Пацаны, надо ему кличку дать.

И по рядам понеслось:

– Кровосос.

– Шпындик.

– Упырь.

Ребят было уже не остановить. Ненормативная лексика в замысловатом узоре великого русского заквашивалась в солдатский фольклор. Услышав смешки и возню в рядах, прапорщик резко развернулся на каблуках и, вытянув голову, со стороны похожую на ошпаренный в кипятке кулак, отчеканил:

– Меня зовут прапорщик Киселькин. Товарищ прапорщик! Мерим сапоги, подписываем хлоркой на внутренней стороне голенища и направляемся в баню. Остальное обмундирование получите после. Вопросы есть?

Вопросы были, но подрагивающая в его руках дубинка их отменила.

Вытаращив на нас глаза, он начал медленно вытирать ладони о штаны, зажав дубинку между ног. Зал осветился улыбками. С задних рядов кто-то свистнул. Лицо прапорщика надулось. Он схватил ближайший сапог, заорав:

– Я тебя!..

Но, неудачно замахнувшись, врезал себе каблуком в лоб, схватился за голову, отшвырнув сапог и согнув колени. Дубинка с грохотом упала на пол. Уже позже мы узнали, что прапорщик Киселькин лечился в психиатрической лечебнице. В нервных ситуациях он выдергивал из кармана бумажку с желтой полосой по диагонали, тряс ею перед нами и орал: «Я лечился! Вот моя справка...» Мы поняли, что лучше с ним не связываться. Стало его жаль, и поэтому без всяких издевок мы называли его просто – Кисель.

Нас построили и повели в баню, которая представляла собой старое кирпичное здание с просевшей крышей

и треснутыми бетонными ступеньками. Она была построена по круговому принципу. Одна дверь и для входа, и для выхода. Солдат заводили на помывку по взводу, колонна за колонной. Несмотря на лето, в раздевалке, где стояли скособоченные жестяные одежные ящики, было прохладно. Мест для всех не хватало. Те, кто зашел в помещение первым, успели раздеться и повесить форму. А те, кто шел в конце, просто кидали ее на пол. Времени на «банные процедуры», как было нам торжественно заявлено, на всех не хватило. Все суетились и толкались. Первые вошедшие в моечное отделение успели и намылиться, и ополоснуться. А те, кто завершал это мероприятие, даже не разулись. Они прошли по залам, хлебнули из крана ржавой воды и вышли, улыбаясь непонятно чему. Сержанты, сопровождающие нас и отвечающие за этот процесс, окриками стегали нас, как плетью. В душе появилось возмущение, которое тут же запряталось куда-то в уголок.

После помывки мы молча наблюдали, как горит за забором, облитая бензином наша гражданская одежда. Была возможность отправить хорошие вещи посылкой домой, но никто этим воспользоваться уже не успел. Не до того было. Кто-то со слезами на глазах причитал:

- Куртка была у меня новая.
- А у меня джинсы.

Хорошо, что я догадался нацепить на себя всякое старье. Мы смотрели на костер и понимали, что горит не просто гражданка, но и все, что с ней было связано. И жизнь наша теперь разделилась на «до» и «после». Забегая вперед, скажу, что следующая баня у нас была через четыре недели. За это время поначалу белые портянки превратились в сине-черные полотнища с фиолетовыми узорами. Грязные, пропотевшие и скомканные, они могли стоять отдельно от сапог, как солдаты, готовые ко всему.

Эпизод третий. Первые дни

Наша рота располагалась на третьем этаже кирпичной пятиэтажки. Каждый этаж, кроме первого, где было солдатское кафе, был отведен отдельной роте. Зайдя за капитаном в казарму, мы увидели длинный коридор, спальные помещения, бытовку, офицерскую комнату, ленинскую комнату и еще несколько закрытых помещений. Построились в шеренгу по двое по ранжиру. Тут же, запыхавшись, ввалился и Кисель.

Капитан, поправив усы и прокашлявшись, начал:

– Товарищи новобранцы, вы поступили в расположение воинской части города Капустин Яр. В роту номер два. Командир роты пока не прибыл на место постоянной службы, поэтому вашей подготовкой на период карантина будут заниматься ефрейторы Халмирзаев Халмурад и Пончиков Василий.

Из-за квадратной колонны вышли двое. По их виду возраст было не разобрать. Выглаженные и начищенные, они встали перед строем по стойке смирно. По их впалым щекам и воспаленным глазам мы поняли, что служится им нелегко. Они были одинакового роста и комплекции. Один темный, а другой светлый. Капитан строго взглянул на прапорщика и тихо, оглянувшись на старослужащих, как-то по-граждански добавил:

– Если будут вопросы, то обращайтесь. Я буду в штабе.

Мы так и не поняли, кому он это сказал. Или нам, или этим «двоим из ларца». Офицеры вышли из казармы. И тут же взгляд, осанка, походка и весь внешний вид наших воспитателей моментально изменились. Перед строем стояли уже не подтянутые ефрейторы, а обозленные без пяти минут дембеля.

К первой шеренге вплотную шагнул Пончиков:

– Ну что, духи. Попрыгаем?

Мы переглянулись.

– Они не прыгать будут, а летать. Как мы летали, – нагнув по-бычьей голову, прогудел Халмурад.

Дальше ненормативной лексикой мы были буквально расстреляны. Началось то, чего мы не ожидали. Вдоль строя в районе затылков пролетел холодок. Мы почувствовали одновременно и сухость во рту, и желание куда-нибудь присесть.

Наша рота состояла из ста сорока новобранцев. Ребята были из разных уголков страны: русские, армяне, азербайджанцы, казахи, киргизы, грузины и москвичи как отдельная группировка. Пончиков Василий был обыкновенным представителем хулиганского типа в солдатской форме. Туповатый и одновременно жестокий, он желал только поиздеваться над нами и поесть. На счет клички Пончик он даже и не обижался. Здесь все было просто. А вот с Халмурадом было сложнее. Непонятно какой национальности, но точно азиат, он был более хитрым, чаще молчаливым и безгранично жадным. Из-под его густых бровей горели черной злостью глаза. Друзьями они не были. Их объединяло общее прошлое. Оба они, как мы выяснили уже к вечеру, отбыли по году в дисциплинарном батальоне по приговору суда за совершенные преступления. Не вдаваясь в подробности, скажу, что Пончика осудили за угон военного грузовика, поломку ворот воинской части и выезд в город в нетрезвом состоянии. Халмурада осудили за то, что он избил офицера в том же состоянии. Отбыв свой срок, они вернулись в свою часть дослуживать оставшийся период. И теперь у них появился шанс всласть поиздеваться над молодыми.

На следующий день мы случайно увидели справку Халмурада, где было указано его отчество: Халмирзаевич. Получилось: Халмирзаев Халмурад Халмирзаевич.

– Да, – почесал затылок Лёшка, – три «х» получается.

Я посмотрел на него и прошептал:

- Три «х» – это же Трихопол!
- Вот и кличка сварганилась!
- А если он узнает?
- Да ладно. Они же не навсегда с нами.

Халмурад, когда узнал, сильно рассердился. Всматривался в каждого, ища шутника. От обиды он еще больше начал нас гонять командами «отбой» – «подъем».

До обеда мы успели получить постельное белье и начали застилаться. Я занял верхний ярус кровати. Развернув старый дырявый матрац, я увидел, что из ваты высовывается уголок пятирублевки. Вытащил ее и положил в карман. Засунул в матрац всю руку, пошарил, но ничего больше не нашел. Пять рублей в те годы – это были еще деньги, на которые можно было хорошо поесть. Я хотел о находке промолчать, но, увидев худую спину Серёги с торчащими лопатками, передумал. На построении я шепнул своим:

- Пацаны, сегодня гуляем на мои!
- Опять одеколон?! – чуть не крикнул Лёшка.
- Нет, – улыбнулся я и вынул из кармана уголок пятирублевки.

Вечером, после ужина, мы спустились в солдатское кафе и взяли какао с булочками. Так родилась наша небольшая компания.

Пока мы ехали в поезде несколько суток, потеряли счет дням. И когда нас повели первый раз на обед в солдатскую столовую, мы увидели празднично накрытые столы. Я тут же вспомнил сытых краснопогонников с овчарками. На столе было горячее первое, мясное второе, сладкий чай, булочки, шайбочки сливочного масла, вареные яйца и, что самое главное в армейской столовой, свежий хлеб двух видов.

Как же мы были ошарашены, увидев на следующий день на столах огромные алюминиевые кастрюли с супо-

подобной жижей, картофельное пюре цвета утоптанного снега, куски криво нарезанного серого хлеба и несладкий чай. В центре стола горкой лежали слипшиеся карамельки, которые были похожи на родственников, обнявшихся после долгой разлуки. На наши удивленные лица нам объяснили, что вчера был праздник 9 Мая.

– А вы думали, что в сказку попали, духи? – заржал лошадиной физиономией дежурный повар. Благодаря своему сходству с известным комиком он у нас стал Фернанделем.

После ужина я, стараясь остаться незамеченным, схватил несколько кусков хлеба с соседнего стола, сунул их в карман, шепча самому себе: «Спокойно. Я есть хочу. Голод не тетка». Мне казалось, что все уставились только на меня. Но карманы, похожие на сломанные уши борцов, как я успел заметить, были оттопырены и у других. После отбоя вся казарма наполнилась чавкающими звуками. Я проглотил кусок хлеба, похожий на пластилин, и уснул.

Эпизод четвертый. Командировка

Летели дни, а за ними и месяцы. Меня выбрали комсоргом роты. Нас, несколько человек, направили учиться в партийную школу при штабе воинской части. Мы ее окончили, но в партию нас так и не приняли. Вышло постановление правительства о приостановке принятия в Коммунистическую партию солдат. Я продолжал вместе с остальными работать на стройке. Вечером, после работы, – гитара, а на работе – бетон, носилки, стекловата, кирпичи, арматура, холодный кефир и булочка из соседнего магазина, где работала продавщицей круглолицая Зиночка. Ребята бегали в магазин не столько за кефиром, сколько пообщаться с ней. Зиночка в эти дни перевыполняла план. Но так было недолго.

Через два месяца нашу роту собрали в ленинской комнате и объявили, что в Волгоград готовится сборная рота, которая будет прикомандирована к другой воинской части для выполнения особых производственных задач. Кисель, обтерев об китель ладони, расправил скомканный лист и зачитал список солдат, отправляющихся в путь. В список попали все мои товарищи и я тоже. Мы были рады. Собрав нехитрые пожитки, мы прыгнули в автобус и моментально уснули, не обращая внимания на тряску. В Капустин Яр возвращался только я один, и то по работе.

Встретили нас в самом центре Волгограда: деревянная казарма с крышей, покрытой старым рубероидом, скособоченный деревянный туалет с тремя замызганными отверстиями в углу двора, небольшая спортивная площадка с самодельным турником и штангой, собранной из старых огромных зубчатых колес, два сарая и двухметровый побеленный забор. Заостренные доски забора белыми клыками торчали между тонкими ветвями соседних деревьев, прижатых друг к другу. Забор наружной стороной опирался на три тополя и был прибит к ним гвоздями. Слева от казармы истрескавшимся бетонным полотном легла набережная Волги. Справа от казармы немymi исполинами сверху на нас взирали серые девятиэтажки. В них проживали в основном ветераны войны и их родственники.

Ежемесячно кто-нибудь из них умирал. А мы по просьбе родственников выносили гробы и помогали с похоронами. В старых хрущевках лестничные проходы были узкими, и поэтому гроб приходилось разворачивать над перилами, приподнимая то одну его сторону, то другую. За помощь нас сытно кормили и, когда командир отправлялся в роту, наливали рюмочку. Мы отнекивались: «Нельзя нам, мы на службе», а уже через мгновение, стоя,

торжественно опрокидывали рюмки, брали из вазы конфеты и молча уходили. Для нас это было хоть каким-то отвлечением от службы.

Несколько раз нас просили помочь с ремонтом то в школах, то в детских садах. Мы перетаскивали и устанавливали мебель, таскали мешки с цементом или со строительным мусором. А после работы нас угощали горячими обедами. На тарелки выкладывались горы хлеба и куски горячего мяса. Наливали борщ и огромные кружки сладкого чая. Уплетая все это, каждый вспоминал мамкины обеды. Мы молча ели, а на нас со стороны с умилением смотрели повара. Лёшка обильно солил мясо и тут же подмигивал молодым поварихам, скромно стоящим у раздачи. Серёга взял сразу два куска хлеба и, наклонив голову, не отвлекаясь, хлебал бульон. Виталик ерзал на стуле, поглядывая на часы. А я, медленно жуя картошку, думал, как бы завернуть все то, что на столе, и принести пацанам в казарму.

– Спасибо, – говорили мы, нехотя поднимаясь из-за стола. – Если что, зовите нас еще. Приедем, поможем.

Сотрудники рассыпались сахарными кусочками улыбок.

В городе-герое ждали нас семь промышленных предприятий. Новоиспеченные стройбатовцы были распределены среди них. Я с друзьями попал на завод ЖБК-1. Режим был таков: подъем в пять утра, построение, завтрак, автобус, завод, автобус, рота, построение, ужин, личное время, политинформация, отбой в девять вечера.

В письмах домой я писал, что все у меня нормально, что товарищи у меня хорошие. Особо хотелось рассказать о соседях. Слева от меня вылупился в потолок недоучившийся клоун рядовой Рощупкин. Его выгнали из циркового училища за ночные гулянки в общежитии. Он страдал лунатизмом и энурезом одновременно. И поэтому происходили скандальные ситуации. Иногда

Рощупкин ночью поднимался, садился на край кровати, представляя, что в туалете, и делал свое маленькое дело на лицо спящего на нижнем ярусе. Приходилось спасать его от побоев.

Справа ссутулился на кровати отсидевший год за кражи, молчаливый, но работающий Вадим. Укладываясь спать, он плотно укутывался одеялом с головой и замирал на всю ночь, не шелохнувшись ни разу. А подо мной расположился рядовой по фамилии Шпет, свидетель Иеговы. Он хоть и отказался принимать присягу и прикасаться к автомату, но работал на заводе за троих. Вот такие соседи.

«А меня, – писал я родителям, – командир назначил на должность нормировщика роты. Я ежемесячно объезжаю предприятия, на которых работают наши солдаты, составляю реестры выходов на работу и отвожу на поезде отчеты с показателями выполнения и перевыполнения плана в штаб части, который находится в городе Капустин Яр.

Познакомился я в городской библиотеке с двумя добрыми девушками, которым дарю яблоки и конфеты, которые вы мне присылаете. Они мне за это дают читать книги, чтобы я не забыл речь человеческую. Высылайте еще. Библиотека большая. На заводе сварили мне мужики за пятерку сейф для документов, где я и храню эти книги, и не только их».

Вот такие письма у меня получались.

Этот сейф спасал меня несколько раз, храня в своей железной утробе не только документы, но и другое. В предпраздничные дни это было единственным местом, где мы прятали алкоголь. Об этом кто-то из солдат узнал и, решив выслужиться, рассказал командиру роты старшему лейтенанту Харину. Кличку ему долго придумывать не пришлось. Старлей, обладатель гого-

левского носа, чуял запахи издалека. Наклонив тело чуть вперед и сложив маленькие белые ручки за спину, он медленно приближал свой нюхательный аппарат вплотную к лицам остолбеневших солдат, сверлил их маленькими, сдвинутыми к переносице глазами и гундося произносил:

– Почему не по форме одеты, товарищ солдат?

Конец декабря. В сейфе стоят две бутылки самогонки, которые нам продала крановщица Люся: «Берите, мальчишки. Почти чача». Перед отбоем меня вызвал к себе Харин. Он был на дежурстве.

– Рядовой Чесноков, что у вас в сейфе?

– Документы, товарищ старший лейтенант, реестры и личные карточки военнослужащих.

– А еще что?

– Книги, товарищ старший лейтенант. Я в библиотеке городской беру. Ремарка взял роман.

– Какая еще ремарка?

– «Три товарища».

– Откройте сейф. Я проверю.

Я засунул руку в один карман, потом в другой, нащупал ключ, но, смотря прямо в глаза командира, сказал:

– Ключа нет. Наверное, на заводе оставил в фуфайке.

– А в шинели? Пойдемте проверим.

Старший лейтенант, привычным движением швырнув руки за спину и наклонившись вперед, как пущенное копьё, устремился в сторону бытовки. Двигаясь за ним, я быстро передал ключ Сергею, который стоял рядом. Подошли к шинелям. Я старательно вывернул карманы и, подняв брови, выпалил:

– И здесь нет, товарищ старший лейтенант. Как же это я так, а? Это так на меня не похоже! Я точно помню, что в фуфайке оставил. Завтра привезу ключ.

– Хорошо, – как отрезал старлей.

Приблизив свой нос к холодному металлу и оттопырив зад, он застыл как приклеенный. Чтобы увидеть эту карикатурную позу, солдаты высунулись в коридор. Один из парней начал делать зарисовки обгрызенным карандашом. Поднять сейф, чтобы ощутить его тяжесть, Харин не догадался. Рано утром, до подъема, нам пришлось перепрятать бутылки, воткнув их в снежные сугробы за туалетом. А мы задались вопросом: кто стучит командиру?

Эпизод пятый. Перевоспитание

В количественном составе рота постоянно менялась. Кто-то уезжал в другие части. Кого-то, наоборот, привозили. Через пару недель в нашу роту прибыли азербайджанцы из-под Баку. Эти ребята были всегда на позитиве. Каждый был как маленький вулканчик. Говорили громко то на своем, то на ломаном русском, постоянно жестикулируя и гримасничая. Чуть позже приехали ребята из Киргизии. Эти были спокойнее. Я их запомнил как трудолюбивых и немного наивных.

На работе каждый показывал себя по-разному, но и понимал, что работает не за спасибо, а за деньги, которые ежемесячно перечислялись на сберкнижку.

Вечером, после ужина, ко мне подошел Лёша:

– У тебя ничего не пропадало?

– Да. Неделю назад я свои часы «Ракета» забыл ночью в бытовке. Утром встал, посмотрел, а их уже нет. Сам виноват.

– У меня деньги пропали. Три пятьдесят.

– Может, потерял на заводе, когда переодевался?

– Я тоже так подумал, но у Серёги то же самое.

– Давай после отбоя соберем всех наших. Сегодня дежурит прапорщик Буянов. Он нормальный, не разгонит. Поговорим.

Так и решили. После отбоя собрались. Оказалось, что мелкие кражи тянутся уже пару недель. У каждого что-то исчезло. Решили на каждую тумбочку выложить мелочь и караулить. На следующий день так и сделали. Лежим ждем. Вдруг видим, между койками, полусогнувшись, продвигается фигура, подходит, сгребает осторожно монеты, выдвигает верхний ящик тумбочки, шарится, задвигает и задом выползает из прохода. Потом подходит к другой тумбочке и роется там. И так методично во всем нашем отделении. Мы лежим и смотрим. Глаза привыкли к темноте. Нам все становится понятно. Это Ржаев Миша, паренек щупленький, с большими водянистыми бегающими глазами и постоянно сопливым носом. Где бы он ни находился, он всегда свистел. Он у нас был Ржавый.

Весь следующий день мы размышляли, как же нам проучить его. Вечером зашли в сарай, где хранились старые сапоги, подготовленные для списания. Каждый взял по две пары. Незаметно рассовали их под кровати и за тумбочки. После отбоя легли, укрылись одеялами и начали ждать подходящего момента. Подходящий момент появился, когда ближе к полуночи вернулась с завода вторая смена и ребята улеглись спать. Накинув на себя одеяла и достав сапоги, мы подошли к его кровати. Ржавый спал на спине, откинув одеяло в сторону. Руки его были раскинуты по сторонам, а рот широко раскрыт. Даже во сне он немного причмокивал. Долго любоваться этим телом времени не было, и мы, взяв сапоги за голенища, размахнувшись, разом швырнули их в белеющую цель. Раздался скрип, треск и оханье. Солдаты, спящие рядом, сначала зашевелились, но уже через мгновение вжались в кровати, натянув на головы одеяла. А перевоспитываемый даже подняться не успел. Заныл, скрючился и перевернулся на живот.

– Хватит с него, – прошептал Лёшка.

И мы моментально юркнули под одеяла.

На утреннем построении Миша стоял в строю чуть согнувшись, одной рукой прикрывая лицо, а другой – пах. Прапорщика Буянова на дежурстве сменил Кисель. Подойдя к Ржаеву, он взвизгнул:

– Руки по швам!

Миша выпрямился. И тут все увидели вместо лица что-то бугристое, ежевичного оттенка. Нос молодой картошкой гордо краснел между щек. Губы распухли и неестественно выпирали наружу. Смотрел Миша только левым глазом, так как правым он этого делать пока не мог. А когда он открыл рот, все заметили отсутствие переднего зуба.

– Перестарались, – прошептал Сергей.

– Досвистелся, – процедил сквозь зубы Алексей.

– Хорошо, что мы ему «велосипед» не сделали, а то подпалил бы всю казарму, – добавил я.

Поиски виновных ничем не завершились. Миша пару дней не выходил на работу. Скоро поправился, носом хлюпать перестал, а свистеть совсем разучился. Только по ночам вздрагивал при малейшем звуке. Деньги пропадать перестали.

Эпизод шестой. Умидбек

Сатыбалдиев Умидбек прибыл в нашу роту вместе с земляками из Киргизии. Это был увалень высокого роста и с покатыми плечами. Он передвигался немного вразвалочку, наклонив голову и приоткрыв рот. Руки его бесхарактерно покачивались из стороны в сторону. Парню на тот момент было уже двадцать шесть лет. По-русски он не понимал ни слова. По-киргизски не умел ни читать, ни писать. Мы с ним общались через Азамата, который приехал из Бишкека.

Как-то сидели в ленинской комнате, отдыхали. Вошли Умидбек с Азаматом.

– Эй, парни. Идите к нам. Пообщаемся, – махнул им рукой кореец Славка Ли.

У Славки в руках гитара. Он, живя в Алма-Ате, неплохо играл в группе. И мы с удовольствием слушали его гитарные композиции.

Умидбек зашел, переминаясь на кривых ногах, медленно, по-медвежьи. Осмотрелся по сторонам, словно чего-то опасался, и прошел между столами. Рот раскрыт. Глаза изучающе выпучены.

– Азамат, что с ним?

– А ты как думал? – ответил Азимут, как мы его называли. – Человек с гор спустился. Всю жизнь с отцом скот пас. Как-то отец послал его в аул, что раскинулся у подножья Медвежьего холма, за спичками и солью. Получилось как в анекдоте. Только он вышел из магазина, как его заметил военный патруль. Военные случайно туда заехали командиру на юбилей баранину купить и овощей. Подошли к нашему пастуху. Ктщ? Что? Откуда? Этот все и выложил. Тут же взяли его под руки и отвезли в военкомат. Отец его ни соли, ни спичек так и не дождался.

– А как же он письма от родителей читает? – не унимались мы.

– Я ему читаю. И пишу в ответ тоже я. – Азамат сел к нам поближе.

Умидбек остановился у плаката, где был изображен автомат Калашникова в разобранном виде. Мы подошли к нему.

– Умидбек, – обратился я к нему с серьезным видом и указал пальцем на автомат, – это что?

Тот медленно перевел взгляд с плаката на меня. В его спокойном немигающем взгляде я увидел степь, голубые

горные просторы, несметное поголовье скота, но ответа я так и не дождался.

– Чего ты над ним подшучиваешь? – одернул меня Азамат за рукав. – Не может он тебе ответить. Не понял ничего. – И продолжил: – Когда нас на автобусе везли по Бишкеку, все было более-менее. Но когда нас вывезли на аэродром, Умидбек, как мы потом поняли, впервые увидел самолет вблизи. Он тут же в автобусе упал на пол и начал молиться – вслух, громко – и стучаться головой о пол. Мы его еле успокоили. А ведь нам надо было еще садиться в самолет и лететь до Волгограда. А он упирается и орет. И что нам делать? Он здоровый как бык. Еле скрутили впятером и затолкали в салон. Нацепили ремень безопасности и прижали с обеих сторон. Он в полете все пакеты испоганил, какие были. И молился все три часа полета. Мы такие молитвы в первый раз слышали.

Пока Азамат рассказывал, Умидбек осмотрел все плакаты, медленно обойдя всю ленинскую комнату. Поняв, что говорят о нем, начал бормотать по-киргизски, оглядываясь на нас с обиженным видом.

По росту Умидбек был чуть ниже меня и поэтому в строю стоял за мной. И тут началось: все идут правой, а он левой. Все левой, а он правой. Он наступает мне на каблук. Я пытаюсь уйти от его ноги. Идущие за Умидбеком тоже перестраиваются, и это ломает всю стройность движения колонны.

Я кричу через плечо:

– Умидбек, смени ногу, скотина!

В ответ:

– Э?!

– Ногу смени, паразит!

– Э?!

Вечером подхожу к командиру роты:

– Товарищ капитан, можно нам с рядовым Сатыбалдиевым поменяться в строю? Я хоть научу его правильно ходить в строю.

– Нет, рядовой Чесноков. Воспитывай товарища.

Подхожу к Умидбеку и зову Азамата:

– Переводи.

И с этого дня я начал воспитательную работу. Показывал, где какая нога, как их передвигать, повороты, развороты, строевой шаг и так далее.

– Понял?

– Э?!

Потом уже мы вдвоем с Азаматом стали маршировать перед Умидбеком. Уже стемнело, а мы на плацу. А тот сидит себе спокойно. Выпучил свои глазища и в носу ковыряет. Ребята высунулись из казармы.

– Ну, братан, тебя и наказал командир! За что, интересно?

– Отстаньте!

Подошли мы с Азаматом к Умидбеку:

– Ну ты понял наконец?

– Э?!

Я выругался и направился в казарму:

– Ну я тебе устрою!

На следующий день я увидел, что у него получается уже лучше, но все-таки пару раз я его пнул, чтобы срок обучения ускорить. Только через месяц мои мучения кончились. Он стал улыбаться осознанно. Взгляд у него потеплел. Стал здороваться как надо. Сначала выучил все матерные слова на русском языке, а потом уже перешел к общекультурным. Через пару месяцев мы стали хорошими друзьями.

Эпизод седьмой. Беглец

Вечером, после ужина, роту срочно построили на плацу. На бетонку вышел командир роты капитан Лифарь. Это был молодой мужчина крупного телосложения и высокого роста. Поставленным командирским баритоном он сообщил:

– Час назад из воинской части сбежал военнослужащий Мухамедшин Данияр. Предполагается, что он поедет в Волгоград и будет пытаться отправиться домой на поезде. Родом он из Чимкентской области. Он незаконно присвоил чужие деньги, которых на самолет ему не хватит. Кто его видел или знал лично?

– Мы его знали, товарищ капитан. Он наш земляк. Мы вместе в поезде ехали на службу.

– Хорошо, – кивнул головой командир. – Все, кто был призван из этой области, заступят сегодня до двадцати трех ноль-ноль в дежурство с целью обнаружения и поимки беглеца. Потом вас сменят военные из другой части.

Всех моих товарищей капитан распределил по вокзалам. Мы с Бирюковым Сергеем поехали на железнодорожный вокзал Волгоград-2. Этот вокзал считался вторым по значению в городе, но внешне был невзрачным кирпичным зданием с осыпавшейся штукатуркой по углам и треснутыми стеклами в огромных окнах. Осенним вечером было уже прохладно. А на нас была еще летняя форма. По вокзалу гулял сквозняк. Людей было немного. В углу, у центрального входа, примостились двое бездомных, которые плотно прижались друг к другу, пытаясь согреться. Они накинули на себя порванное в нескольких местах одеяло и о чем-то друг другу рассказывали, согревая дыханием пальцы. В другой стороне зала ожидания, сдвинув две скамейки, ночевала цыганская семья. Жен-

ская половина семейства улеглась на скамейках, укрывшись халатами и куртками, а мужская, вместе с детьми, спала на полу на разноцветных одеялах.

Мы обошли вокзал вокруг, прошлись вдоль путей, зашли внутрь и уселись на скамейку напротив массивных дверей, выходящих на перрон. Нам нужно было дождаться смены.

– Я его помню, – сказал Серёга о сбежавшем Данияре и вытянул последнюю сигарету из пачки.

– И я тоже, – ответил я. – Посиди. Я в туалет.

Когда я вернулся, Сергей сидел уже на другой скамейке.

– Чего ты пересел?

– Дует там. Теперь я пойду. Ты же не куришь?

– Нет.

– Тогда поддержи, – сказал он и сунул мне в пальцы зажженную сигарету.

Я взял ее за фильтр так, словно это был ядовитый паук.

– Давай, не задерживайся.

Держу сигарету, а она потихоньку тлеет и воняет. Сергея все нет. О нашем задании уже и забылось. В голове только одно желание: быстрее вернуться в казарму и лечь спать. Я смотрю на сигарету. Она дымит, и пепел свисает вниз. Я его стряхнул. И, когда до фильтра осталось совсем немного, я вдруг поднес сигарету к губам и затянулся полным вдохом. Огонек дошел до фильтра и погас. Тут же горло полоснул резкий кашель. Из глаз брызнули слезы. Сижу и разрываю тишину сонного вокзала оглушительным кашлем. Чувствую, что мне плохо. Голова закружилось, и все в глазах поплыло. Люди, скамейки, стены и кассы – все поплыло в мутном потоке. И я тоже уношусь куда-то вдаль. Ноги стали ватными. Руки пошли мелкой дрожью. Хочется плевать и сморкаться одновременно. «Ну и дурак же я!» – грохочет в голове. Мне стало казаться, что все смотрят на меня осуждающим взглядом.

Расплывчато вижу приближающуюся фигуру Сергея. Пытаюсь встать, но не получается.

– Ты что такой бледный? Тебе плохо? – наклоняется он надо мной.

– Я не хотел, – ватным языком попытался я оправдаться и протягиваю ему окурок.

– Ты мою последнюю сигарету скурил, что ли? Ты же не куришь! Ну ты даешь! А еще друг!

– Серый, сядь со мной. Мне плохо.

– Время уже одиннадцать. Сейчас нас сменят. Пошли на свежий воздух. Оклемаешься, курилка. Чтобы завтра купил мне пачку! Понял?

– Куплю, – обещаю я и стараюсь побыстрее глотнуть свежего воздуха.

Вцепившись в руку Сергея, я плетусь с ним на трамвайную остановку. Водитель, завидев нас, мигает фарами. Последний рейс.

Мухамедшина Данияра так и не поймали. В погоню за ним в Чимкент поехал лейтенант Агеев. Командование части отправило его на мой адрес, в мою квартиру. Когда он вернулся, рассказал, что жил в квартире с моими родителями, а спал на моей кровати. От моих родителей привез он огромную сумку гостинцев. Мы с друзьями пиروвали несколько дней. Беглеца лейтенант Агеев тоже не нашел, хоть и выезжал по месту его прописки несколько раз. объездил несколько аулов и кишлаков, но безрезультатно. Я это заранее предвидел, так как на бескрайних просторах Казахстана не сложно скрыться как временно, так и навсегда.

Эпизод восьмой. Гражданка

Срок нашей службы закончился. Нас задержали ровно на два месяца. Это было связано с аварией на Чернобыль-

ской АЭС. На ликвидацию не вызвали – мы нужны были в заводских цехах и на стройках. Из штаба воинской части приехали бухгалтер с сейфом и сотрудник отдела кадров с документами. Каждому солдату на руки выдали наличные. Некоторые заработали по две тысячи рублей, а то и больше. По тем временам это были большие деньги. Можно было целый год нигде не работать и жить на них. А можно было добавить и купить ушастый «запорожец». Я на свои заработанные тысячу двести деревянных много не рассчитывал, но купил подарки и оделся с ног до головы.

Мы с друзьями стояли в сторонке, пересчитывали деньги и проверяли свои документы. Была такая традиция, что дембеля что-то дарили воинской части на память или кому-то из командиров. Мы решили долго над этим не думать, а сделать по-быстрому. Видим, к нам подходит прапорщик Киселькин.

– Поздравляю! Скоро домой, – начал он, вытирая пот со лба и заглядывая в наши глаза как-то печально. – Вы, это, обиды не держите. Служба такая... Я давно мечтал уже о магнитофоне. Кассетном. Без музыки ну никак нельзя. А денег не хватает.

Прапорщик вдруг как-то осунулся, опустил голову, зачем-то начал поправлять галстук, который и так был как прибитый гвоздем к гимнастерке.

Мы заулыбались и подошли к нему поближе. После неловкой паузы Сергей спросил:

– Товарищ прапорщик, а зачем вы резиновую дубинку с собой носите? Вы же так ни разу никого и не приласкали ею.

– Это я, ребята, для страха чтобы. Для дисциплины.

– А справка? – подхватил Виталик, вытирая очки.

Киселькин немного задумался и, опустив глаза, сказал:

– Ну ладно. Всего вам хорошего.

Развернулся на каблуках и зашагал в столовую.

Мы переглянулись и, не договариваясь, достали из карманов деньги. Собрали сто восемьдесят четыре рубля и вечером, после ужина, занесли коробку с надписью «Элегия-301» в офицерскую, где прапорщик Киселькин подписывал какие-то бумаги. Он посмотрел сначала на нас, потом на коробку. На глазах его проступили слезы. Он привстал, чтобы что-то нам сказать, но мы уже вышли из кабинета.

Кто-то захотел ехать домой в парадной форме, но мы с Лёшкой и Серёгой решили купить одежду у фарцовщиков. Нам подсказали, что на окраине города в новостройках живут студенты из Вьетнама. Они толкали импорт по нормальной цене. Вот к ним после ужина мы и поехали. Через час трамвайной тряски наша троица вышла в новом микрорайоне. Здесь еще были видны следы недавних строительных батальев: мусор, хлипкие саженцы кленов, запах гудрона и краски, шматки стекловаты, гонимые ветром. Для нас это была привычная картина. Мы остановились в центре детской площадки в окружении трех крупнопанельных мрачных исполинов.

– Ну и что дальше? – развел руками Сергей.

– Надо как-то их позвать, – ответил я.

– Эй, хошимины! – вдруг заорал Лёшка, приставив ладони ко рту. – Хенде-хох!

Тишина. Только легкий ветерок ласково пробежался по нашим прическам. Где-то на верхних этажах закрыли окна и погасили свет. Уже темнело.

– Да уж. Не очень гостеприимно. Ну ничего. Обратной дороги у нас нет. За нами Сталинград.

Мы направились к ближайшей многоэтажке. Зашли и встали на площадке первого этажа. Дверь за спиной скрипнула пружиной и угрожающе захлопнулась. Мы оказались в полутьме.

– Мы на первом, ты на второй, – скомандовал Алексей Сергею.

– И куда нажимать? – отозвался сверху Сергей.

– Жми на все кнопки. Куда они денутся, если заработать хотят?

Мы нажали. Тишина.

– Между первой и второй... – протараторил Лёшка, и мы нажали еще раз.

Опять тишина.

– Бог Троицу любит, – поддержал я.

И мы, уже предвкушая веселый вечерок, налегли на кнопки основательно. Нажали и держим.

За дверьми что-то зашебаршило. Двери приоткрылись, цепочки натянулись, и мы увидели высунутые носы ниже уровня, чем ожидали.

– О! – развел руками Лёшка. – Гитлер капут! Но пасаран, камарадас!

– Ты что, Лёха, выпил уже где? – схватил я его за руку.

– Нет. Это адреналин во мне клокочет.

– Смотри не захлебнись! Это все-таки иностранные студенты. Понимать надо!

Наверху у Сергея была тишина.

Из-за дверей послышалось:

– Циво нада?

– Шмотки нужны и шузы! – чуть нагнулся вперед Лёха.

– Сисяс. – Захлопнулись одновременно все три двери и тут же открылись настежь.

К нам осторожно, озираясь по сторонам, вышло несколько человек. Одеты они были кто во что и выглядели как живые аппликации из цветной бумаги.

Роль переговорщика взял на себя Лёшка:

– Кто тут понимает по-русски?

– Ми все немносько понимай, – ответил худенький паренек, уцепившийся двумя руками за дверную ручку.

– Нам нужна гражданская одежда. Здесь и сейчас. –
Поднял голову. – Серёга, как там у тебя дела?

– Здесь никто не открыл. Я к вам спускаюсь.

Алексей продолжил:

– Вы поняли?

– Какой одезьд нузинь?

– Ты чего? Не понял, что ли?

Алексей, недоумевая, оглянулся на нас. После недолгой паузы я, широко улыбаясь и чеканя каждое слово, проговорил:

– Хорошая одежда нужна! Джинсы, кроссовки, рубашки. Импортное все. Бельмеса или не бельмеса?

И тут нас сразу окружили шестеро. Самый высокий из них доходил мне до плеча. Нас начали рассматривать снизу доверху, словно мы манекены. Холодок пробежал по спине. Я медленно засунул руку в карман, проверяя деньги. К Сергею вплотную подошел самый высокий. На маленьком носу у него громоздились огромные очки с толстыми линзами. Подняв голову, он начал:

– Д-д-д-да, нузьн-н-ны в-в-в-васи раз-з-з-зимери. Д-д-д-давай, д-д-д-давай разь-зь-зьмер.

Он пытался говорить быстро, постоянно вытирая с носа пот. И в этой поспешности сильно заикался, выбивая при этом передними зубами чечетку. Ломаный русский язык с перестуком, похожим на азбуку Морзе, с шипящим выдохом от волнения дробился эхом к верхним этажам. Получалась сольная ария вьетнамского студента-очкарика. Он что-то еще пытался нам объяснить, но мы и половины не поняли. Мы стояли, слушали и боялись перебить эту звуковую какофонию. Не перебивать же иностранца. Старается ведь.

Сергей, дождавшись паузы, не сдержался:

– Ты что, щелкунчик, в свои телескопы не видишь разницы между мной и тобой?

Иностранцы начали взволнованно перешептываться, а очкарик выстукивал дальше:

– Сним-м-м-м-мать одезь-зь-зь-зьду, и мы бу-бу-будем подбирай вам но-но-но-новый одезьд.

– Попали мы, короче. Нас раздевают, – прошептал Сергей, изменившись в лице.

Мы поняли, что деваться нам некуда, и начали раздеваться. Нашу форму мигом расхватили и затащили в квартиры. Уже на ходу, забегаая за дверь, очкарик повернулся и попытался простучать:

– Си-си-си-сяс, зи-зи-зи...

– Да иди уже ты! – махнул на него рукой Лёшка.

На лестничной площадке остались только мы втроем. В солдатских трусах, майках и носках, встав сверху на туфли. В руках зажаты деньги и документы. Над нами девять этажей холодного бетона. Тускло. Сверху слышались шаги. А тут мы, как три тополя на полянке. Смотрим, спускается девушка. Прошла мимо нас и даже взглядом не повела, словно нас и нет вовсе.

– Нас или не видно, или мы уже не первые, кто в таком виде тут стоит, – сказал Сергей.

– Хорошо, что хоть трусы оставили, – поежился я.

– Да... ситуация щекотливая, – отозвался Лёха.

И вот так стояли мы, шутили, подтрунивали над собой минут двадцать. Жильцы поднимались и спускались. И никто даже не поинтересовался о стоящих в трусах трех русских парнях. Мы даже привыкли к этому. Стоим и улыбаемся как идиоты. Прислушиваемся, что там за дверьми. Слышим знакомый перестук.

– Слышь, как щелкунчик морзянку лупит? Указания дает. Его бы с нашим Киселём познакомить. Вот парочка была бы. Дубинка и зубы.

Терпение закончилось, и Лёшка забарабанил в двери.

– Эй, где вы там, хошимины? Давайте быстрее! Прохладно. В туалет уже хочется и пожрать чего-нибудь!

За дверьми зашуршало, зашущукалось, и двери наконец-таки скрипнули. Из квартиры вырвался чесночный запах. Следом за ним выпорхнули три девушки. Каждая держала большой пакет, в котором лежала аккуратно сложенная наша военная форма. Они сунули нам в руки пакеты и исчезли. Следом вышли парни, совершенно неразличимые между собой, и вынесли одежду и обувь. Мы тут же начали ее надевать. Влетели в эту гражданку мгновенно, как будто в ней и были с самого рождения. Кроссовки после сапог показались воздушными. Мне попались кроссовки на размер меньше. Но я этого не почувствовал. Я это понял, когда приехал домой. Отдал их отцу. Он в них семь лет ходил на фабрику на зависть товарищам. Кроссовки были фирменные, из Чехословакии.

Передавая деньги, Лёшка немного задержался и, обняв за плечи двоих, кто был под рукой, прокричал:

– Макароны варите, братья по разуму! Обмыть надо! Дембель у нас! Вам понятно? Дембель!

Студенты нервно закивали головами, скалясь, как на витрине.

– Лёха, какой там «обмыть»? Ты чего разорался? Сейчас милицию вызовут соседи. Валить надо.

Мы подхватили Лёху, который начал подмигивать худеньким вьетнамкам, прилипшим носами к оконному стеклу, и выскочили из подъезда. Дверь ухнула нам на прощание. Было уже одиннадцать вечера. Сверху на нас глазели любопытные звезды, а луна украдкой подглядывала за нами сквозь ветки деревьев. Включились уличные фонари. Мы немного постояли, покурили и решили расходиться. Алексей с Сергеем пошли в разные стороны, а я смотрел им вслед. К горлу предательски подкатил ком. Вдруг они разом остановились и огляну-

лись на меня. Пару секунд мы стояли и смотрели друг на друга. Я подошел. Мы молча обнялись. Два года пролетели как один день. Обменялись телефонами и адресами и распрощались уже навсегда. Меня ждал в гости знакомый шофер с завода, Горностай Юрий Иванович. Он пригласил меня к себе переночевать, а утром обещал отвезти в аэропорт.

Эпизод девятый. Ужин

Юрий Иванович встретил меня у подъезда, светя под ноги фонариком.

- Что так поздно?
- С братьями по разуму общались.
- С инопланетянами, что ли?
- Почти.
- Заходи. Стол накрыт, – буркнул он недовольно и швырнул окурок под скамейку.

В подъезде было темно. Из подвала сквозь решетчатую дверь несло сыростью и затхлостью. Почти на ощупь мы поднялись на второй этаж. Стоя у него за спиной, я учуял запах спиртного. Звякая ключами и что-то бормоча под нос, Иваныч отпер дверь. В глаза ударил яркий свет. Потянуло теплом и кухней.

Скидывая туфли и немного запыхавшись, Иваныч начал знакомство.

- Вот, знакомься, – начал он, распахнув двери в зал. – Моя супружница, Авдотья Ивановна. А это, – кивнул он в сторону девушки, – моя племянница, Антонина.

Прямо напротив двери за столом сидела девушка и смотрела на меня в упор. Она была светловолоса и с небольшой горбинкой на носу. Брови были густо подведены карандашом, усиливая бледность лица. Мне показалось, что ее взгляд пронизывал меня насквозь

и, прорезая темноту коридора, упирался в закрытую дверь за моей спиной. Я невольно оглянулся назад. Меня охватило легкое волнение, словно я попал на экзамен. Держала девушка себя очень прямо и неподвижно, как статуя. Она вообще не шевелилась, ровно держа голову и выпятив грудь. Тонкое платье в мелкий горошек нежно облегалo ее тело. Я перестал контролировать свой взгляд и пустился в изучение данного объекта. Мне захотелось прикоснуться к ней и скомандовать: «Вольно!» На мгновение я забыл про чемодан, оставленный в темноте коридора.

Иваныч вернул меня к реальности.

– А это, – тряхнул он меня за плечи, – товарищ мой по работе, хороший парень, Илья. Завтра домой хочет улететь.

Я заметил, что ждали меня уже давно и ни к чему не притрагивались. Посадил меня Иваныч между Антониной и Авдотьей Ивановной. А сам уселся напротив. Начали есть. Молча налили, выпили и еще раз налили. Разогревшись, Иваныч начал:

– Илья, ну куда тебе торопиться? Оставайся в Волгограде. У тебя диплом техникума с отличием. Характеристика хорошая. Тебя в любой институт возьмут. Будешь жить в общежитии, учиться. Где-нибудь подработки найдешь. Я помогу. Привыкнешь.

Авдотья Ивановна подкладывала мне с одной стороны, а Антонина с другой. Я рассыпался своими «спасибо» то направо, то налево. И с порциями уже не мог справиться. А Иваныч, опрокинув очередную рюмку, гнул свою линию:

– С девушкой хорошей тебя познакомим. Вот, смотри, племяшка моя, Тонька. Как цветок на клумбе. И ростом тебе подходит, и характером скромная. Как ты: не курит и не пьет.

Тут Антонина, не дожидаясь тоста, залпом выпила бокал вина и икнула. Наступила тишина. Я подумал: «Волнуется» и, чтобы как-то сгладить ситуацию, несколько раз кашлянул.

Антонина, налив себе еще, громким голосом работницы торговли прогудела:

– Дядь Юра, перестаньте. Ну что вы... не надо.

Услышав ее голос, я выронил вилку и подумал: «Я попал». Она положила мне на тарелку огромный кусок мяса, дымящийся, как вулкан. Повернулась ко мне и уставилась в мои глаза:

– Да вы не слушайте его, Илюша. Вам положить еще вон того салатика?

Я почувствовал, что начинаю тонуть в ее огромных голубых глазах, механически дожевывая мясо. Мне захотелось сказать ей: «Помолчи, просто смотри». Проглотив, я выдавил из себя:

– Спасибо, Антонина. Вы так любезны. Но я уже не могу.

Слегка покачиваясь, я поднялся со стула:

– Спасибо за угощение. Все было ужасно вкусно! Но завтра мне рано вставать.

Ужин закончился, и женщины начали собирать посуду. Юрий Иванович некоторое время еще сидел за столом, уставясь в тарелку и гоняясь вилкой за горошиной. Потом он показал мне комнату, где я буду ночевать. Я поблагодарил его, закрыл за собой дверь и плюхнулся на диван. Проверив наличные и документы, я прикрыл глаза и прошептал:

– Ну вот и все, пора домой.

Билет на самолет до Ташкента лежал в паспорте. Он, как спасательный круг, был в этот момент важнее всего. За дверью послышались голоса:

– Может, Тоня останется на ночь?

- А где мы ее положим? С ним, что ли?
- Да о чем вы говорите? Завтра мне на работу.
- Ничего, отпросишься.
- Дядя Юра, неудобно как-то.
- Удобно – неудобно! Уедет же! А не поговорили толком.
- Завтра приезжай пораньше. Проводишь его. Адресами обменяетесь.
- Ладно.

Хлопнула дверь, и наступила тишина. Я сладостно зевнул, закрылся на крючок, разделся и, укрывшись простыней, уснул.

Утром, наскоро позавтракав, мы собрались в дорогу. Антонина провожать меня не приехала, и я, наложив себе холодного салата, вспомнил ее пронзительный взгляд и длинные пальцы с коротко постриженными ногтями. Юрий Иванович отвез меня в аэропорт за полчаса до вылета. Крепко пожав мне руку, он сунул мне записку в карман и сказал:

- Счастливого пути.

Эпизод десятый. Домой!

Самолет приземлился в Ташкенте ближе к полуночи. Рейсовые автобусы до Чимкента уже не ходили. Ночевать пришлось в зале ожидания аэропорта. Вечерняя столица Узбекистана показалась мне сказочным городом. Весь в огнях, в сладких запахах и в пестрых одеждах, Ташкент был похож на молодого красивого принца, одетого в самые дорогие и яркие одежды. Любоваться вечерним Ташкентом можно было бесконечно. Аромат вечерних шашлыков будоражил аппетит самых изысканных гурманов.

Нужно было купить подарки родителям. Я отложил это дело до утра. Поднялся на второй этаж, в зал ожида-

ния, нашел себе свободную скамейку и улегся. Положив под голову чемодан, вытянул ноги и прикрыл глаза. Рядом в разнообразных позах примостились и другие. Если взглянуть сверху, то показалось бы, что люди куда-то спешат, разбросав руки и ноги в быстрой ходьбе. Зал ожидания медленно погружался в сон. Лишь сквозь огромные окна были видны прожектора, жадно пожирающие тьму опустившейся ночи.

Глаза привыкли к темноте. Через некоторое время я заметил, что по залу бродит несколько темных фигур. Они подходили то к одному спящему, то к другому. Наклонившись, они как будто что-то говорили спящему человеку. Обступив его с трех сторон, они нависали над ним, а потом быстро отходили в разные стороны. Проблуждав немymi тенями между скамейками, они вновь соединялись над другим человеком. И так повторялось несколько раз. Один из пассажиров, просыпаясь, перевернулся на другой бок. Фигуры моментально пригнулись, отползли от него и растворились в темноте.

И вот одна из них направилась в мою сторону. Это был мужчина, бесшумно передвигавшийся по гладкому вымытому полу. Повернувшись ко мне спиной, он медленно протянул руки к спящему на соседней скамейке. Тот безмятежно издавал булькающие звуки сквозь усы. Руки незнакомца осторожно проникли под одежду спящего. Они медленно переползали от одного кармана к другому. Я широко открыл глаза и увидел, как из кармана ничего не подозревающего человека эти длинные алебастрового оттенка пальцы медленно вытянули кошелек.

«Воры», – подумал я и почувствовал, как заколотилось мое сердце. Услышав мое учащенное дыхание, человек, не распрямляясь, развернулся ко мне. Наклонившись, он встретился с моим взглядом. Я не моргая смотрел в его худое лицо, покрытое недельной небритостью, и молчал.

На меня смотрел мужчина лет сорока азиатской внешности. Он был одет в черную куртку. До глаз был надвинут капюшон. Мужчина прижал указательный палец к губам, приподнял плечи и, продолжая смотреть на меня, попятился назад. Обобрав выбранных жертв, фигуры исчезли так же неожиданно, как и появились. Я так всю ночь и не уснул. Вертелся из стороны в сторону.

Утром я сдал вещи в камеру хранения и отправился по магазинам. Отцу я купил часы «Слава», а маме – белую пушистую шаль. Зашел в чайхану и позавтракал. Побродив немного по улицам, я отправился назад.

– Эй, братан! Куда едешь? – подбежал ко мне молодой паренек в распахнутой рубашке и мятых штанах.

– В Чимкент.

– О, я как раз в Чимкент везу людей. Осталось одно место. Садись быстро и поехали.

Рядом стояли «жигули», блестящие на солнце. В салоне сидели молодые женщины с узелками на коленях. Рядом с водителем было свободно.

– Хорошо, – ответил я, – сейчас за вещами сбегая.

Усевшись, я настроился на долгий путь. Поездка могла занять около двух часов. Через несколько минут на место водителя влез пожилой узбек с огромным животом. Пропыхтев и степенно распределив свое тело у руля, он бегло осмотрел пассажиров, назвал сумму за проезд и визгливым фальцетом пропищал:

– Поехали.

Зазывала, получив деньги, побежал к другим машинам.

Зазвучала узбекская музыка, которая не помешала мне заснуть. Проснувшись, я подумал о том, как бы мне начать говорить с родителями так, чтобы не испугать их солдатскими словечками. Я стал представлять себе долгожданную встречу. И вот легковушка, поднимая клубы пыли, подкатила к моему подъезду. В салоне автомо-

бия я уже был один. Попутчицы вышли намного раньше. На дворе стоял конец июня. Через открытое окно на меня пахнула чимкентская жара. Два года пролетели так быстро, что и не заметил. Расплатившись, я взял багаж и почти вбежал на четвертый этаж. У двери своей квартиры я остановился. Чуть постояв, позвонил условным способом: один длинный, два коротких. За дверью я услышал радостный голос отца:

– Сынок приехал! Я пойду открою.

– Да, это Илюша так звонит. Я уже бегу, – отозвалась мама со стороны кухни.

Дверь открылась, и на пороге я увидел маму. Она была в домашнем халате и в фартуке. От нее пахло чем-то домашним и немного забытым.

– Здравствуй, мама.

– Сынуля, родной!

В ее глазах блеснули слезы и скатились по щекам.

Подошел отец:

– Ну наконец-таки, сынок! Что так долго? Мы вчера тебя ждали.

– Привет, пап!

Я поставил чемодан и упал в их объятия. Я дома.